

Лимонов Эдуард

7703, 04

ЭДУАРД ЛИМОНОВ:

Я везде лез

Лимонов появился в Гатчине скромно. Лидер Национал-большевистской партии выглядел на редкость интеллигентным и ранимым человеком. Очевидно, он — прекрасный актер, меняющий свой имидж. Люди его узнавали, подходили, о чем-то спрашивали. Сам он ходил смотреть кино, посещал музеи и фестивальные мероприятия. В Екатерининском дворце мы предложили ему сфотографироваться на фоне портрета Павла I. Лимонов сказал: "Его же убили! Не буду. Ну ладно, может, не убьют".

— За два с половиной года заключения я написал восемь книг. Это много. Но прецеденты имеются. Чернышевский написал в Александровском равелине Петропавловской крепости около двух тысяч страниц за два года. А я — около полутора тысяч. Это вполне по силам человеку. Основная проблема состояла в том, как передать рукописи на волю. Писать не возбраняется, а передавать что бы то ни было запрещено. Хотя написанное могли изъять во время обысков, которые следовали по три раза в неделю. Молодой вор, сидевший со мной, пытался научить меня делать малую, обертывать в целлофан и вставлять в носок между пальцами. Но я к тому времени уже тысячу страниц переправил. Только не мог об этом говорить, чтобы не подвергать опасности себя и тех, кто мне помогал. И вам не скажу, как это делал. Не потому, что не доверяю. Просто, чтобы люди, которые будут впредь сидеть, могли делать это и не быть застигнутыми.

Каковы побудительные мотивы того, что столько написано? Это

стремление защититься от того груза, который навалился. Через четыре месяца после моего пребывания в Лефортове мне предъявили обвинения по жутким статьям, связанным с продажей и хранением боеприпасов, терроризмом и свержением существующего строя. Надо было как-то спастись психологически.

Первая книга родилась из того, что я ходил по камере и повторял как заклинание имена тех, кто сидел. Достоевский, маркиз де Сад, Сервантес, Чернышевский... Очень помогает. А то ведь ужас охватывает. И уже через десять дней начал писать книгу "Священные монстры", герои которой, а их 52, — Достоевский, Пушкин, Гитлер, Пазолини, Гагарин... Писал о выдающихся людях. И это тоже была защита от страха смерти, которая воцарилась. Потом написал "Книгу воды". Это моменты озарения, которые проносятся в мозгу приговоренного к смерти. У меня, как у человека, сидевшего под гнетом страшных статей, они тоже вспыхнули. Там есть все — Сена, Кубань, Днестр — все реки, на которых бывал, войны и женщины. Получилась книга воспоминаний.

Вы не угадывали бы во мне образы разных людей, окажись я, как многие люди моего поколения, только в Москве и ее кухнях. Но судьба оказалась подвижной. Двадцать лет прожил за границей: четырнадцать — во Франции и шесть — в Америке. Побывал во всех горячих точках — в Сербии, Приднестровье, Абхазии, Таджикистане. Сидел в тюрьме. Отсюда и ощущение авантюристических кусков биографии. Тот же самый чело-

век участвовал в московских событиях 1993 года, был одним из первых, кто пришел защищать Белый дом. Я везде лез. Другие стоят и думают: "Надо идти". А я иду. Быстрее других реагирую и не много раздумываю. На одну из сербских войн попал так: сидел у телевизора, увидел сербского полковника, рассказывающего о том, как разбомбили хорватский мост. И подумал: почему я не там? Взял сумку, деньги и поехал в аэропорт. Через пару суток стоял с тем самым полковником.

Пока я сидел, мой адвокат занимался моими делами, приносил на подпись разные бумаги. Однажды среди них оказалось предложение Александра Велединского сделать фильм на основе моих произведений. Его рабочее название — "Русское". В тот момент нам очень нужны были деньги на процесс, который переносили в Саратов. Меня хотели засадить круто и надолго. Такова была ненависть, которую в тот момент испытывало ко мне государство. Ситуация была серьезная, так что я особенно с Велединским и не торговался. Вначале меня хотели судить в Горно-Алтайске, поскольку арестовали в горах Алтая, на границе с Казахстаном. А в Саратове я прежде не был, но судили меня там на основании того, что члены Национал-большевистской партии купили в тех краях оружие. Я его там не покупал. А позднее уже увидел самого Велединского в Саратове, из клетки, в которой я сидел на суде. Он ездил к моим родителям в Харьков, подбирал места для съемок фильма. Передал фотографии отца с матерью. Но сценария я не читал.

Культура. — 2004. — 11-17 марта. — С. 12